

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-113-129

УДК 94

Татьяна Покивайлова

Из истории советско-румынских отношений. Прелиминарная конференция 1921 г. в Варшаве

Аннотация. В статье проанализированы причины и последствия разрыва дипломатических отношений между Советской Россией и Румынией в январе 1918 г., внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы, обусловившие необходимость их восстановления в начале 1920-х годов. Рассмотрен также ход работы советско-румынской прелиминарной конференции (Варшава, сентябрь 1921 г.), выявившей непримиримые противоречия между сторонами по таким вопросам, как территориальная принадлежность Бессарабии и возвращение Румынии золотого запаса, вывезенного в Россию в 1916 г.

Ключевые слова: советско-румынские отношения, Первая мировая война, советско-румынская прелиминарная конференция, статус Бессарабии, румынский золотой запас.

Проблемы, затрагиваемые в данной статье, до сих пор остаются недостаточно изученными в современной российской историографии. Из наиболее значительных работ, вышедших в последнее время, можно отметить книги М.И. Мельтюхова «Бессарабский вопрос между мировыми войнами» [Мельтюхов] и И.Э. Левита (молдавского ученого, ныне проживающего в США) «Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)» [Левит]. Был опубликован также ряд статей российских историков, касающихся рассматриваемой темы [Виноградов; Гросул; Покивайлова Российско-румынские... Покивайлова Бессарабия...].

Большое значение для изучения советско-румынских отношений имели публикации новых документов из архивов РФ и Румынии. Особый интерес представляет совместное издание, осуществленное российским МИД РФ и МИД Румынии, куда вошли материалы, не публиковавшиеся до настоящего времени [Виноградов, Ереценко... Советско-румынские...].

* * *

После прихода к власти в России большевиков Румыния, как и другие страны Антанты, вступила в борьбу с советской республикой. Параллельно еще до ввода румынских войск на территорию Бессарабии на Румынском фронте начались расправы над сол-

Сведения об авторе: ПОКИВАЙЛОВА Татьяна Андреевна – старший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук; perspektivy@list.ru.

датами и офицерами русской армии, и советское правительство неоднократно обращалось к посланнику Румынии в Петербурге К. Диаманди с нотами протеста по этому поводу [Виноградов, с. 87]. 2(15) декабря 1917 г. в г. Яссы состоялось совместное заседание большевистского комитета Румынского фронта и солдатского комитета IV армии, где было принято решение признать власть Советов и был избран Военно-революционный комитет (ВРК) Румынского фронта. 8(21) декабря при поддержке генерала Д.Г. Щербачева и украинской Центральной рады румынские власти арестовали членов ВРК и заключили их в тюрьму. Председатель комитета С.Г. Рошаль был обвинен в том, что он якобы готовил покушение на румынского короля Фердинанда [Советско-румынские..., т. I, с. 12], и казнен. Остальные члены ВРК также были приговорены к расстрелу, и только вмешательство русских солдат спасло им жизнь. 16(29) декабря 1917 г. советское правительство направило ноту протеста в адрес румынского правительства с требованием «прекратить преступные действия румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившихся поднять руку на Русскую революцию» [Виноградов, Ереценко... Раздел IV. Док. № 1, с. 194–195].

В конце декабря 1917 г. румынские войска оккупировали ряд населенных пунктов Бессарабии, чиня бесчинства и расстрелы, а в начале января 1918 г. румынские войска, по согласованию со штабом генерала Д.Г. Щербачева в Яссах и представителями Антанты, начали полномасштабный захват Бессарабии, входившей в состав Российской империи с 1812 г.

В связи с этими событиями правительству Румынии через румынского посланника в Петербурге был направлен ряд нот протеста. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) в ноте за подписью В.И. Ленина, Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойского было выражено требование освободить арестованных, прекратить незаконные действия румынских властей и предоставить гарантии, что подобные действия больше не повторятся [Терехина, Яценко, с. 195]. Одновременно Ленин направил в наркомат по военным делам предписание «арестовать немедленно всех членов румынского правительства¹ и румынской миссии, равно как и всего состава служащих всех учреждений при посольстве, консульстве и прочих официальных румынских учреждениях» [Ленин, с. 23; Зарницкий, Трофимов, с. 17].

В тот же вечер в здание румынской миссии в Петрограде, где шел новогодний прием, ворвались вооруженные красноармейцы во главе с комиссаром Г.В. Благодоровым. Посланник К. Диаманди и его окружение были арестованы, и препровождены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Здание миссии было опечатано, документы и архивы изъяты.

Представители стран Антанты во главе с американским послом, дуайеном дипкорпу-

1 Имелись в виду члены румынского правительства, находившиеся в тот момент на территории подконтрольной советской власти, в основном в Одессе, куда они были эвакуированы в конце 1916 – начале 1917 г. в связи с угрозой захвата Германией и ее союзниками румынской территории.

са Д.Р. Френсисом обратились к Ленину с требованием освободить румынского дипломата и его сотрудников. В ответ Ленин заявил: «Предпринятые советским правительством меры в отношении К. Диаманди законны уже потому, что Румыния, формально не объявив войны России¹, начала в то же время боевые действия против русских войск с целью их разоружения» [Цит. по: Трут, с. 69]. Ленин подчеркнул, что «никакого нарушения дипломатических норм не произошло, так как со страной, которую представляет Диаманди, нет никаких отношений, они не установлены. Диаманди был арестован в силу чрезвычайных обстоятельств, никакими дипломатическими трактатами и дипломатическими обязательствами не предусмотренными» [Там же]. Со своей стороны, американский посол заверил Ленина, что он немедленно встретится с Диаманди, выразит ему протест по поводу нападения румын на русские войска и сделает через американское посольство соответствующее заявление румынскому правительству.

13 (26) января румынские войска заняли Кишинев. Характерно, что во всех официальных правительственных заявлениях первоначально говорилось о временном характере пребывания в Бессарабии румынских частей, введенных туда под предлогом защиты коммуникаций и румынских продовольственных складов. Занятие Бессарабии сопровождалось захватом обширного российского имущества. 13 (26) января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление, в котором говорилось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики...Преступлениям румынских военных и гражданских властей нет числа». В связи с этим СНК постановил: «1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем. 2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии² объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа. 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта Щербачев объявляется врагом народа и ставится вне закона» [цит. по: Виноградов, Ерещенко... с. 198–199].

Большевики не ограничивались только одними заявлениями и нотами – они не оставляли мысли вернуть Бессарабию и сформировать там новое правительство. Это подтверждают документы российских архивов, в частности, протоколы заседаний Совнаркома, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [Протоколы...]. Такой вариант решения бессарабского вопроса вполне соответствовал доктрине РКП(б) о мировой революции. На заседании Совнаркома 11 (24) января, на котором выступил Л.Д. Троцкий с сообщением «о положении в Румынии в связи

1 Официально Румыния и Советская Россия не находились в состоянии войны, что неоднократно подчеркивали правительства двух стран.

2 В декабре 1916 г. и в июле 1917 г., в условиях разгрома Германией и ее союзниками румынской армии и угрозы захвата войсками неприятеля всей территории Румынии, по согласованию с царским, а затем и Временным правительством и под их гарантию румынское правительство и Национальный банк Румынии отправили в Москву свой золотой запас и ценности (драгоценности, картины, архивы Румынской академии и королевской семьи, документы Государственного архива, имущество монастырей и частных лиц.

с неслыханными насилиями по отношению к нашим войскам», была создана комиссия «по подавлению румынской контрреволюции». На основании доклада этой комиссии за подписью Г.В. Чичерина 15 (28) января СНК постановил создать в Кишиневе Верховную автономную коллегия по русско-румынским делам из представителей местных революционных организаций просоветского толка: Румчерода¹, советов рабочих и крестьянских депутатов Бессарабии и г. Кишинева, Румынской социалистической партии, Молдавской социал-демократической рабочей партии и др. Возглавил эту структуру (сокращенно: Верховная автономная коллегия; в документах также иногда называлась Верховной автономной комиссией) Христиан Раковский (1873–1937 гг.) – румынский революционер болгарского происхождения, перебравшийся весной 1917 г. в Россию и позже, в 1919 г., ставший первым председателем Совнаркома Советской Украины.

В принятом постановлении говорилось: «Утвердить предложенные комиссией мероприятия и ассигновать русско-румынской коллегии по румынско-бессарабским делам пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег». Далее на документе имелась помета: «Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич» [Протоколы... Протокол № 47, пункт 11, с. 118–119]. 16 января, согласно постановлению Совнаркома, в департамент Государственного казначейства было направлено соответствующее письмо, а 21 декабря 1918 г. заведующий румынским отделом НКВД В.И. Шеншев сообщил Раковскому: «Все Вами порученное о Верховной Коллегии исполнено» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 9].

На последующем заседании СНК 18 (31) января вновь обсуждался вопрос о Румынии. Речь шла об установлении в Бессарабии румынско-бессарабского правительства и советизации этой территории. Чичерин² представил Совнаркому проект декрета о признании будущего румынского (бессарабского) советского правительства. В нем, в частности, говорилось: «... 3. Рабоче-крестьянское правительство Российской Социалистической Республики приветствует первое Румынско-бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт....., выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником, Российское социалистическое правительство передает в полное его распоряжение весь наличный золотой фонд и все имущество бывшего румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов» [Протоколы... Протокол № 50, пункт 3, с. 230, 232, 244]. Однако этот проект членами Совнаркома был отклонен, поскольку они, вероятно, посчитали его преждевременным.

На следующий день, 19 января (1 февраля) 1918 г., по ходатайству Х. Г. Раковского и другого румынского революционера М.Г. Бужора был рассмотрен вопрос о финанси-

1 Румчерод (май 1917 г. – май 1918 г.) – Центральный исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы, созданный для контроля за обстановкой на Румынском фронте, в том числе и в Бессарабии. До 25 декабря 1917 г. его возглавляли эсеры и меньшевики, позже – большевики.

2 В протоколе Совнаркома фамилии Чичерина сопутствует его псевдоним – Орнатский.

ровании румынской революции в сумме 10 млн руб. (золотом). К протоколу приложен лист исполнения с пометой: «Передано лично Менжинскому»¹. Было ли исполнено это постановление Совнаркома, неизвестно, никаких документов на этот счет на сегодняшний день не обнаружено.

В середине февраля 1918 г. вооруженное сопротивление бессарабского населения румынским войскам, наступление Красной Армии на Украине, а также ее продвижение в направлении Бессарабии заставили румынское правительство вступить в переговоры с представителями советской власти. Советское правительство было также заинтересовано в разрешении конфликта с Румынией. При посредничестве представителей военных миссий Англии и Франции и румынских парламентариев, задержанных в Одессе, были налажены контакты с румынским правительством. 24 февраля (5 марта) 1918 г. Совет народных комиссаров Одесской области направил румынскому правительству следующее заявление: «Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации из Бессарабии оккупационной румынской армии.... Оккупационная армия в течение двух месяцев должна быть сокращена до размера отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 19, с. 212–213]. Кроме того, в заявлении говорилось: «Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации румынской армии русские военные силы займут эвакуированные места для поддержания порядка. Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Оно не может производить аресты и не может исполнять функции, принадлежащие местным выборным властям. Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов» [Там же]. В документе также отмечалось, что разрешать все спорные случаи между русскими и румынами станет комиссия, образованная из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соединенных Штатов.

В 1918 г. Англия, Франция и США рассматривали ввод румынских войск в Бессарабию как временную, чисто военную меру, вызванную потребностями войны. Как подчеркивал французский посланник в Яссах Ш. Сент-Олер в телеграмме, направленной 5(18) марта французскому консулу в Кишиневе Р. Сарре, «все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой с целью обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта в соответствии с правилами, существующими во всех воюющих государствах. По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияние на существующую политическую обстановку в Бессарабии, ни на будущую судьбу этой страны» [Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 14, с. 287].

1 Менжинский В.Р. – исполняющий обязанности Наркома финансов РСФСР (30 октября 1917 г. – 2 февраля 1918 г.)

Премьер-министр Румынии в целом согласился с предложениями российской стороны, добавив пункт о немедленном освобождении пленных и обмене русских пленных в Румынии на румын, находившихся в России. 5 марта 1918 г. в Одессе была подписана декларация, в которой говорилось: «С момента подписания Румынским Правительством настоящего документа мы будем считать, что мир между Россией и Румынией восстановлен». 5–9 марта 1918 г. между Советской Россией и Румынией было заключено полноценное соглашение, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. После подписания соглашения председатель кабинета министров и министр иностранных дел Румынии генерал А. Авереску заявил, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 22, с. 215]. Главное, чего добилась Советская Россия на переговорах с Румынией, – обязательства Бухареста вывести войска с территории Бессарабии в течение 2 месяцев. Румынское руководство, рассчитывая на встречный шаг советской стороны, рассматривало сложившуюся ситуацию как шанс положительно решить вопрос о возвращении золотого запаса и вызволить соотечественников, интернированных в Одессе, среди которых находились весьма высокопоставленные чиновники и депутаты [См: Константиу, с. 29].

Оправдывая действия генерала А. Авереску, который подвергался острой критике как современников, так и позже румынских историков, румынский академик Ф. Константиу пишет: «Думается, Авереску подписал соглашение с большевиками, чтобы спасти заложников и выиграть время, исходя из перспективы заключения мира с Центральными державами и их союзниками и создания благоприятных условий для включения Бессарабии в состав Румынии»¹ [Константиу]. Однако советско-румынское соглашение было сорвано стремительным ходом событий. 5(18) марта румынское правительство заключило в г. Буфте (Румыния) прелиминарный мир с державами Четверного союза и пропустило австро-германские войска на территорию Украины. Используя присутствие румынских войск в Бессарабии, Сфатул Цэрий (Совет страны)² своим решением присоединил Бессарабию к Румынии, сначала на правах автономии, а в декабре 1918 г. – как часть национальной румынской территории.

Правительство Советской России считало, что Сфатул Цэрий не имел полномочий решать вопрос о присоединении Бессарабии, его постановление было принято под прямым давлением военных властей и в обстановке административного террора [Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 11, с. 278]. Совнарком в Москве и Временное

1 Румынские ученые долгое время не упоминали или полностью отрицали факт подписания договора Раковский–Авереску от 5–9 марта 1918 г. Впервые в румынской историографии полноценный анализ этого документа проделал акад. Ф. Константиу, со ссылкой на документы, находящиеся в румынских архивах, и заявления румынских политических деятелей того времени, критиковавших генерала А. Авереску за данный акт. [См. подробнее: Константиу, с. 22–30].

2 Сфатул Цэрий нельзя считать органом, представляющим волю всего населения Бессарабии, поскольку он не избирался населением, а был сформирован из делегатов некоторых общественных и национальных организаций. Поэтому, как считают российские историки, его решения о присоединении Бессарабии к Румынии нельзя считать законным. [См: Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 11. С. 278].

рабоче-крестьянское правительство Украины заявили решительный протест против включения Бессарабии в состав Румынии и не признали этого акта. 18 апреля 1918 г. СНК направил ноту протеста румынскому правительству против присоединения Бессарабии к Румынии и появившегося в европейской печати заявления, что «Бессарабия является неотъемлемой частью Румынского королевства» [Виноградов, Ерещенко... Док. 21, с. 36]. Это, как говорилось в ноте, являлось не только вызовом Российской Федеративной Советской Республике, но и вопиющим нарушением заключенного соглашения с Россией об очищении в течение 2 месяцев территории Бессарабии [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. № 34, с. 225].

После срыва соглашения советское правительство закрыло вопрос о возвращении румынского золота. 8 апреля 1918 г. комиссару Румынского отдела НКВД поступило письмо из Отдела Румынии пограничному снабжению Народного Комиссариата внутренних дел, в котором подчеркивалось: «Советская республика должна себя гарантировать в отношении возмещения нам этого долга». (имеется в виду долг Румынии России, образовавшийся за годы Первой мировой войны. – *Т.П.*) ...Вместе с тем впредь до выяснения финансовых отношений и взаиморасчетов между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства, выдачу которого временно задержать в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 16, с. 280–281].

25 мая 1919 г. в радиোগрамме, направленной правительством РСФСР и правительством УССР румынским властям, говорилось: «С момента упразднения русского фронта в Румынии румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и краснокрестское имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойнического захвата Бессарабии румынское правительство так же поступило с военными продовольственными базисными складами Бессарабии. Часть имущества, принадлежащего России, была использована самим румынским правительством, часть оно предоставило в распоряжение белогвардейских банд, сражавшихся против советской власти на юге России и Украины, и, наконец, остальное, в особенности предметы первой необходимости, как-то: обмундирование, белье, сахар, консервы, расхищались проворовавшимися румынскими чиновниками и офицерами. Они спускали народное добро за бесценок спекулянтам, а потом, чтобы замести следы своих преступлений, поджигали склады и архивы... Сохраняя за собой право предать своевременно суду революционного трибунала прямых и косвенных виновников вышеперечисленных преступлений, как бы высоко они ни стояли, рабоче-крестьянское правительство России и Украины снимает с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам» [ДВП, с. 171–172]. Впоследствии проблема возвращения румынского золотого фонда, драгоценностей и в целом румынского имущества, находившегося на территории России, перешла в плоскость взаиморасчетов между советским и румынским правительствами.

Советское правительство рассматривало возвращение румынского золота в тесной связи с вопросом о Бессарабии, находившейся, как подчеркивалось в нотах, направленных румынскому правительству, «во временной фактической оккупации Румынии» [АВП. Ф. 04. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36]. Со своей стороны, Румыния всячески стремилась добиться международного признания присоединения Бессарабии.

Вопрос о статусе Бессарабии был вынесен на обсуждение Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), на которой представители РСФСР отсутствовали. Как отмечает в своей книге И.Э. Левит, на решение этого вопроса в пользу Румынии оказали влияние сложные международные условия, неблагоприятные для Советской России [См. подробнее: Левит, с. 71, 172–173, 177–190]. Западные державы, встревоженные ростом революционного движения в своих странах, прилагали огромные усилия, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчленить территорию бывшей Российской империи. Представители Румынии на Парижской мирной конференции постоянно подчеркивали, что их страна является барьером на пути распространения большевизма и что присоединение Бессарабии следует считать вознаграждением за это.

В итоге 28 октября 1920 г. представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии поставили свои подписи под Парижским (Бессарабским) протоколом о присоединении Бессарабии к Румынии. Четыре державы, ни одна из которых не находилась в состоянии войны с Россией, объявили об отторжении части российской территории. Среди подписавших не оказалось представителя США Р. Лансинга, позиция которого в ряде случаев отличалась от позиции других членов «большой четверки». Бессарабский протокол подлежал ратификации парламентами государств-подписантов. Однако Япония его не ратифицировала, поэтому можно считать, что он не приобрел законную силу. Ни Советская Россия, ни представители белогвардейского движения и русских эмигрантских организаций не признали присоединение Бессарабии к Румынии.

1919 г. в целом складывался крайне неблагоприятно для большевиков. Успехи Красной Армии в начале года сменились неудачами на Юго-Западном фронте. С февраля 1919 г. началась необъявленная война с Польшей. Летом 1919 г. последовало наступление армии Деникина на Москву. Польша добивалась союза с Румынией против большевистской России, и эти намерения Варшавы поддерживали западные державы, особенно Франция. Контакты большевиков с Румынией осложняло и то, что румынская армия активно участвовала в разгроме Венгерской Советской Республики и оккупировала ее. Попытки большевистского правительства оказать вооруженную поддержку революционной Венгрии кончились неудачей.

К концу 1919 – началу 1920 г. военно-политическое и международное положение стало меняться в пользу Советской России. Произошел перелом в ходе Гражданской войны. Армия Деникина была разгромлена. Однако основные силы Добровольческой армии под командованием Врангеля, сосредоточенные в Крыму, представляли по-прежнему большую опасность для большевиков. Великие державы, особенно Англия, начали менять отношение к Советской России, прежде всего в области экономических

и торговых связей. В начале 1920 г. были подписаны мирные договоры с прибалтийскими странами – Эстонией, Литвой и Латвией.

Ситуация настоятельно требовала подписания мирного договора с Румынией, позиция которой, по мнению московского руководства, все еще таила угрозу для советского государства, особенно ввиду тесных связей Бухареста с Варшавой. Обстановка на Юго-Западном и Западном фронтах благоприятствовала переговорам с румынами. К 18 февраля 1920 г. все левобережье Днестра от Рыбницы до Черного моря было занято советскими войсками.

В феврале 1920 г. член Коллегии НКВД РСФСР М.М. Литвинов, находившийся в Дании, начал обмен мнениями с румынским представителем Д.Н. Чиотори, заявив, что «советские правительства России и Украины полностью готовы обсудить как территориальные, так и финансовые претензии румынского правительства с целью достижения мира между двумя заинтересованными странами» [Цит. по Мельтюхов, с. 91]. Как сообщал Чиотори в Бухарест, в частной беседе Литвинов якобы говорил, что «бессарабцы имеют право на самоопределение, а румынские ценности, находившиеся в России, следует вернуть» [Там же]. В то же время в донесении Чиотори в Бухарест отмечалось, что официально Литвинов отказался от односторонней декларации о признании принадлежности Бессарабии, как и о возвращении румынских ценностей. Советская сторона считала, что эти вопросы должны были стать основой переговоров [Там же].

24 февраля 1920 г. Г.В. Чичерин по радио обратился к румынскому правительству с предложением начать мирные переговоры. В тот же день он по прямому проводу сообщил об этом председателю СНК УССР Х.Г. Раковскому, подчеркнув, что было бы хорошо, если бы мирное предложение исходило бы также и от Советской Украины. 26 февраля Раковский направил в Бухарест радиотелеграмму, аналогичную телеграмме Чичерина [Мельтюхов, с. 91]. 3 марта румынский премьер-министр сообщил Чичерину, что принимает предложение вступить в мирные переговоры.

Однако с самого начала переговорного процесса выявилась противоположность позиций сторон. Бухарест волновали признание румынского статуса Бессарабии и возвращение ценностей, отправленных в Россию в 1916–1917 гг., а советскую сторону – подписание мирного договора. Вопрос о возвращении румынских ценностей большевики увязывали с вопросом о Бессарабии и взаиморасчетах за долги, накопившиеся между двумя странами за годы Первой мировой войны.

Настаивая на участии Украины в переговорах, советская сторона предложила провести их в Харькове. Румыны отказались, предложив в качестве альтернативы польскую столицу. Но Г.В. Чичерин 17 марта 1920 г. уведомил румынское правительство, что РСФСР не может вести переговоры в Варшаве в силу военных действий с Польшей, и вновь предложил Харьков. Однако вскоре, в связи с началом польского наступления на Западном фронте, переговоры были отложены румынской стороной [Мельтюхов, с. 94].

24 июня 1920 г. Л. Троцкий разослал секретную телеграмму членам Политбюро, в которой говорилось: «... т. Красин (находившийся в то время в Лондоне во главе торговой делегации – Т.П.) сообщает о возможном давлении Англии на Финляндию, Латвию и проч. в целях военного вмешательства. Снова возобновляю свое предложение об открытом мирном обращении к Румынии. Поскольку Антанта теперь нажимает на Румынию с целью интервенции, нажим станет для нее труднее после нашего предложения Румынии... ..» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 5].

10 августа 1920 г. министр иностранных дел Румынии Таки Ионеску сообщил наркому Г.В. Чичерину, что Румыния получила приглашение английского правительства принять участие в конференции, на которой будут обсуждаться условия мира между Россией и окраинными государствами, и что поэтому Румыния хотела бы продолжить разговор о заключении мира на лондонской конференции [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20]. В ответе Чичерин подчеркнул, что советское правительство считает «прямые переговоры между Советской Россией и Румынией единственным путем к миру» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 23, 24]. 9 сентября из Бухареста поступил положительный ответ. Однако намеченная в Лондоне конференция не состоялась, и переговоры между РСФСР и Румынией были вновь отложены [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20].

Позиция большевистских властей во многом зависела от ситуации на советско-польском фронте. В результате понесенных в августе-сентябре 1920 г. поражений большевики готовы были пойти на существенные уступки Румынии. Но когда ситуация с Польшей до некоторой степени стабилизировалась, они вновь заняли твердую линию в отношении как статуса Бессарабии, так и возвращения румынского золота. Кроме того, с наступлением острой фазы советско-польской войны контакты с румынами какое-то время свелись к вялой переписке.

Советское руководство было крайне заинтересовано в том, чтобы оторвать Румынию от Польши и предотвратить заключение между ними союза против Советской России. Тем не менее 3 марта 1921 г. соответствующий польско-румынский договор был подписан.

22 сентября 1921 г. в Варшаве началась советско-румынская прелиминарная конференция, задачей которой являлось согласование программы будущей конференции с целью заключения советско-румынского мирного договора, определение даты ее проведения и повестки заседаний. Российскую делегацию возглавлял заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан, румынскую – дипломат Г. Филалити. В состав делегаций входили: с российской стороны – дипломаты Е.Б. Пашуканис и Г.Б. Сандомирский, с румынской – К. Параскивеску и Д. Чиотори.

Л.М. Карахан предложил следующую программу будущей конференции:

1. Вопрос о Бессарабии, в настоящее время оккупированной румынскими войсками вопреки договору, заключенному между Россией и Румынией об очищении этой области¹.

¹ Имеется в виду договор 5–9 марта 1918 г.

2. Урегулирование русско-румынских границ.
3. Урегулирование судоходства по Дунаю.
4. Взаимные расчеты.
5. Возобновление торговых сношений.
6. Возобновление дипломатических и консульских сношений.
7. Охрана интересов национальных меньшинств.
8. Взаимное невмешательство во внутренние дела обеих стран.
9. Ликвидация банд, переходящих из Бессарабии на украинскую территорию с преступными целями.
10. Конвенция о возобновлении почтово-телеграфных и железнодорожных сообщений [Советско-румынские... Том 1, с. 132–133].

Румынская сторона в качестве основного предлагала обсудить вопрос о румынских ценностях, находившихся в России, и категорически возражала против обсуждения статуса Бессарабии, считая эту проблему окончательно решенной. Но еще в преддверии конференции нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин писал Л.М. Карахану в качестве инструкции: «Мы не признаем их суверенитет над Бессарабией». На первом же заседании в Варшаве Карахан спросил Г. Филалити, является ли отказ обсуждать вопрос о Бессарабии ультимативным, на что Филалити заявил, что у него имеются формальные инструкции по этому поводу, запрещающие ему ставить этот вопрос на ближайшей конференции, так же как и вопрос о меньшинствах, принимая во внимание, что он был ранее решен Лигой Наций для всех стран¹. Дунайский вопрос, связанный с бессарабским, также не может быть поставлен [Советско-румынские... Том 1, с. 133–134].

Г. Филалити предложил обсудить на будущей конференции следующие вопросы:

1. Ценности, находящиеся в России в виде вклада.
2. Помещение и имущество румынского посольства в Петрограде.
3. Вклады в банках России, сделанные румынскими комиссиями по снабжению армии.
4. Немедленное освобождение, с разрешением вернуться на родину румын, задержанных в России.
5. Русские беженцы в Румынии, а также русские из армии Врангеля [Советско-румынские... Том 1, с. 134].

Как видно, между подходами румынской и российской сторон к повестке дня переговоров лежала пропасть. Кроме того, делегация Советской России настаивала, чтобы в качестве официальной и полноправной участницы будущей конференции была признана Советская Украина, правительство которой во главе с Х. Раковским находилось в Харькове. В связи с этим М.М. Литвинов писал Л.М. Карахану: «Это необходимо и по существу, чтобы лишить румын возможности считаться с Петлюрой как с единствен-

¹ 9 декабря 1920 г. Румыния подписала конвенцию, по которой была обязана предоставить национальным меньшинствам (молдаванам, русским, украинцам, болгарам, гагаузам и представителям других национальностей) равные гражданские и политические права с румынами в области языка, религии, разрешать им открывать свои школы и т. д. Но жизнь показывала, что эти права сплошь и рядом нарушались.

ным национальным украинским правительством» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 81].

Накануне конференции, 18 сентября 1921 г., из ЦК КПУ на имя Л. Троцкого поступила телеграмма из Харькова (копия которой была передана В.И. Ленину), в которой говорилось, в частности, следующее: «Нам кажется, что Наркоминдел РСФСР недостаточно учитывает нашу чрезвычайно выгодную позицию по отношению к Румынии, вытекающую: во-первых – из факта, что занятие Бессарабии румынами по тогдашнему официальному заявлению послов в Яссах, оригинал которого находится у нас, является актом временным; во-вторых – из подписанного зимой Румынией с нами обязательства очистить Бессарабию в двухмесячный срок; в-третьих, из протеста Америки против постановления Верховного Совета считать Бессарабию за Румынией¹, в-четвертых, из имеющегося в наших руках акта протеста депутатов бессарабского сфатулцэрия², доказывающего, что голосование произошло при самом грубом нарушении регламента...» [РГАСПИ.Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 2]. В конечном итоге Румыния приняла предложение российской делегации об участии в конференции представителей Советской Украины, но в остальном ни на какие уступки не шла.

24 сентября 1921 г. Л.М. Карахан писал Г.В. Чичерину: «Румыны чувствуют, что обострение (наших) отношений с Польшей поднимает их акции... С Румынией нужно подписать (договор) немедленно, ценой больших уступок, чтобы гарантировать себя в развертывающемся конфликте с Польшей. Хотя следует учесть, что в случае войны удержать румын будет трудно. Такими уступками могут быть 1. Бессарабия, 2. Возврат всего имущества в ящиках. Что же касается золота и других расчетов, то возможно по договору образовать расчетную комиссию аналогично польской³ и туда перенести все претензии. Если принять во внимание, что в румынских ящиках ценностей немного, их главное содержание – это документы, платья, домашняя утварь, валютного интереса для нас не представляющие, то можно согласиться...» [АВП. Ф. 04. Оп.35. П. 227. Д. 52875. Л. 20].

Перед началом прелиминарной конференции, чтобы склонить румын к переговорам, Л.М. Карахан в частных беседах с Г. Филалити неоднократно намекал на возможность смягчения советской позиции по Бессарабии. Но, как подчеркивал он в письме к Г.В. Чичерину, «старался делать это таким образом, чтобы в нужный мо-

1 Американский представитель отказался подписать Парижский протокол Версальской конференции о присоединении Бессарабии к Румынии от 28 октября 1920 г.

2 Так в тексте. Правильно «Сфатул Цэрий» («Совет страны»). Речь идет о «Сфатул Цэрии» (Совете Страны), органе самоуправления Бессарабии, созданном 26 октября 1917 г. Был сформирован не на выборных началах, а путем представительства от политических партий, культурно-просветительских организаций и других организаций. Большинство мест занимала молдавская национальная партия, представлявшая молдавскую буржуазию и помещиков.

3 По решению российско-польской мирной конференции, состоявшейся в Риге 18 марта 1921 г., была создана комиссия, задачей которой являлось урегулирование спорных вопросов между Польшей и Советским государством, в том числе и касающихся польских ценностей, находившихся в СССР.

мент дать им разъяснение, уничтожающее этот смысл» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П.227. Д. 52875. Л. 20].

Дискуссии же на самой конференции подтверждают, что советская сторона «никогда не допускала даже косвенного признания захвата Румынией Бессарабии» [Виноградов, Ерещенко... с. 252, 276].

26 сентября глава румынской делегации сообщал премьер-министру Румынии А. Авереску: «...совершенно необходимо, чтобы правительство знало о моей беседе, которая состоялась у меня с Караханом наедине». (в присутствии только переводчика – Т.П.). По словам Филалити, Карахан сказал ему: «Если я поддерживаю идею с такой настойчивостью, что нужно обсуждать вопрос о Бессарабии и меньшинствах на будущей конференции, то я делаю это не столько для московского правительства, сколько для правительства в Харькове. Украина – соседка Бессарабии, а в Харькове находится Раковский, поймите же, что вопрос о Бессарабии не может не интересовать их... Что скажут хотя бы массы на Украине, когда увидят, что я не потребовал возвращения Бессарабии, и как мы сможем объяснить нашу незаинтересованность...» [Советско-румынские... Т. I, с. 137]. В ответ Г. Филалити заметил: «Г-н Карахан, вопрос о Бессарабии является одним из тех, который между нами и вами может быть решен только оружием, любые дискуссии мне кажутся излишними. Мы будем защищать эту румынскую провинцию всеми нашими силами и либо потерпим поражение, либо победим, но не откажемся от нее» [Советско-румынские... Т. I, с. 137].

Л.М. Карахан предложил Г. Филалити компромиссный вариант: «...я думаю о том, не можем ли мы найти способ прийти к соглашению. Я нашел один, свой собственный, и не знаю, будет ли он принят в Москве..., но поскольку Вы хотите, чтобы любой ценой наши дела закончились соглашением, вот что я Вам предлагаю: снимем с повестки дня будущей конференции вопрос о Бессарабии и меньшинствах, а в качестве компенсации согласитесь не касаться вопроса о каких-либо расчетах между нами...».

Г. Филалити: «Если я хорошо понял, Вы предлагаете нам торг. Вы хотите сделать из Бессарабии разменную монету, чтобы отказаться от нее, но избежать того, чтобы дать отчет в расчетах?» [Советско-румынские... Т. I, с. 137–139]. «Да, это так, – сказал Карахан, – этот вопрос о расчетах – один из самых назойливых, он нас задержал на одном месте в течение почти 6 месяцев, пока я вел переговоры с поляками¹... так как наше желание – закончить все как можно скорее, если мы ликвидируем вопрос о расчетах, мы легко придем к согласию по другим пунктам; за две недели Вы и я подписываем соглашение и без необходимости другой, последующей конференции восстанавливаем дипломатические отношения». В ответ Филалити заявил: «Одним словом, путем отказа от расчетов Вы заставляете отказаться от наших ценностей и от возмещения того, что нам приходится за разорение посольства в Петрограде? Вы знаете, я думаю, что наши ценности были вкладом, сделанным правительством другому правительству, и как та-

1 Имелись в виду переговоры о мире РСФСР с Польшей, которые велись в условиях советско-польской войны начиная с лета 1919 г. [См. подробнее: Михутина, с. 105–230; Матвеев, с. 276–277].

ковой он священен, что все законы обязывают вас вернуть его нам целиком и что ценности были собственностью не только румынского государства, но и кредитных или культурных учреждений, так же как и частных лиц. Как же вы хотите, чтобы румынское правительство отказалось от того, что ему не принадлежит?» [Там же]

Л.М. Карахан, со своей стороны, указал на форс-мажорные обстоятельства, в которых оказалась Советская Россия в результате Гражданской войны и иностранной интервенции: «Да, я знаю все это, но что Вы хотите, события, через которые мы прошли, были так ужасны! Когда Москве угрожал Деникин, началась эвакуация ценностей, в том числе и румынских, которые были отправлены то ли в Нижний Новгород, то ли в Пермь или еще куда-то. Я не смог бы Вам сказать, все ли ящики были возвращены в Москву, но, конечно, ценности не могли остаться нетронутыми. Когда будете иметь своего представителя, он займется этим вопросом, и, конечно, в его распоряжение будут предоставлены все ящики, которые еще будут найдены. Потом посмотрим, какое значение вы придаете той мизерной сумме в сотню миллионов рублей золотом, которую составляет весь ваш металлический запас. Надеюсь, что вы признаете, что Бессарабия представляет нечто большее» [Советско-румынские... Т. 1, с. 137–139]. В ответ на это Г. Филалити обратил внимание Карахана, что «кроме денег и металла там были фамильные акты, акты собственности, документы, которые не имеют никакой ценности для вас, но бесценны для заинтересованных лиц...» [Там же]. Карахан заверил румынского дипломата: «Повторяю, все, что будет найдено, будет возвращено вашему представителю в Москве и, конечно, эти бумаги будут найдены неприкосновенными, но не ранее, чем будут восстановлены дипломатические отношения» [Там же].

В конце беседы Г. Филалити подчеркнул, что российская и румынская делегации занимают диаметрально противоположные позиции, и так как эти позиции не согласуемы, он готов завершить миссию, о чем поставит в известность свое правительство. Однако премьер-министр генерал А. Авереску рекомендовал Филалити «не ускорять события, а затягивать их в зависимости от обстоятельств и руководствуясь данными Вам инструкциями» [Советско-румынские... Т. 1, с. 143].

Как отмечалось выше, советское правительство стремилось получить от Румынии обязательства не вступать в военные союзы против Советской России и хотя бы сохранять нейтралитет в случае войны между Россией и другими государствами. Л.М. Карахану удалось включить этот вопрос в повестку дня конференции, однако румынское правительство отказалось давать такие гарантии [АВП. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6]. В отличие от генерала А. Авереску, полагавшего, что «не в наших интересах прерывать контакты, которые мы установили» с Советской Россией [Советско-румынские... Т. 1, с. 142], непримиримую позицию в этом вопросе занял тогдашний министр иностранных дел Румынии Т. Ионеску.

21 октября 1921 г., когда дебаты на конференции грозили зайти в тупик, коллегия НКВД вынесла решение: «Применить взаимное погашение претензий или в форме постановки на конференции вопросов как о Бессарабии, так и о расчетах, или же путем устранения и того и другого... в случае отказа румын от взаимного погашения претен-

зий не останавливаться перед разрывом» [АВП. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6; Д. 5. Л. 6, 15, 17]. Действительно, взаимоприемлемых решений не было найдено, и конференция завершилась безрезультатно.

Подводя итоги прелиминарной конференции и объясняя причины ее провала, Л.М. Карахан в своем интервью корреспонденту румынского агентства «Радор» настаивал на незаконности присоединения Бессарабии к Румынии: «Что же касается формальной стороны этого вопроса, то я нахожу недопустимым, чтобы Румыния присоединила к себе большую провинцию, бывшую неотделимой частью другого государства, без всякой конференции и, в особенности, без всякого соглашения с заинтересованным государством. Мы рассматриваем Бессарабию как принадлежащую и сейчас России, она была занята румынскими войсками, и несмотря на санкции (в значении «разрешение». – *Прим. ред.*) так называемых Великих держав мы все же считаем румынскую оккупацию Бессарабии как нонсенс с точки зрения права...» [Советско-румынские...Т. 1, с. 175–176].

На вопрос корреспондента о наличии в Москве румынского золота Л.М. Карахан, сославшись на свою неинформированность, ответил: «Должен вас уверить, что я никогда не объявлял категорически о пропаже и исчезновении румынского золота, не вижу никакого мотива, который сделал бы возможным такое исчезновение. Но не исключена возможность потери части его» [Советско-румынские... Т. 1, с. 176].

Дело в том, что по информации, переданной Г. Филалити румынской прессе, во время одного из заседаний Л.М. Карахан якобы отозвал его в соседнюю комнату и шепнул, будто румынского золота и румынских ценностей больше не существует. 17 ноября румынская газета «Эндепендус» («Независимость»), а вслед за ней и другие румынские издания опубликовали эти сведения. Заведующий 2-м Отделом Балканских стран НКВД Г.Б. Сандомирский в этой связи сообщал: «...уверяют (румыны), что советская делегация избегает всяких дебатов по этому вопросу (золота. – *Т.П.*) и не хочет брать на себя никаких обязательств, почему румынская делегация подозревает, что румынского золотого фонда более не существует» [АВП. Ф. 0125. Оп. 5.П. 101. Д. Л. 37].

Г.Б. Сандомирский также докладывал наркому Г.В. Чичерину, что Г. Филалити искажал советскую позицию: «по словам Филалити, русские предлагают... следующее решение вопроса: взамен признания Россией присоединения Бессарабии к Румынии, последняя должна отказаться от всяких претензий на возвращение ее вклада, эвакуированного в Москву, или от всяких взаимных расчетов» [АВП. 04. Оп.32.П. 209. Д. 85. Л. 81].

19 ноября 1921 г. Г.В. Чичерин в телеграмме, разосланной в российские зарубежные миссии, писал: «В румынской печати распространяются ложные сведения о варшавских переговорах Карахана с Филалити... Это все выдуманно. Мы все время ставили вопрос для полного примирения о Бессарабии и вопрос о финансовых расчетах. Но если Румыния в настоящее время ни в коем случае не хочет говорить о Бессарабии, мы согласны на чисто практическое решение по текущим практическим вопросам, таким

как судоходство, военнопленные, торговля, но ни в коем случае нельзя рассматривать также вопрос о взаимных финансовых расчетах, ибо рассматривать его можно только в том случае, если решение окончательное, то есть, если рассматривать вопрос и о Бессарабии. Другими словами, мы требуем, чтобы на конференции с Румынией или были поставлены все вопросы, включая и Бессарабию и финансовые расчеты, или были поставлены только текущие вопросы, т.е. без Бессарабии и без финансовых расчетов. Надо опровергать в печати у вас и в тех странах, где вы имеете возможность это сделать, румынские выдумки по поводу этих переговоров» [АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1.Л. 60].

Стоит отметить: тот факт, что к 1921 г. весь золотой фонд полностью сохранился, вызывает сомнения. В одной из записок, касавшейся оценки румынских ценностей, находившихся в Советской России, направленной М.М. Литвинову, говорится о том, что их общая стоимость (2,5 млрд. лей) «частично изменилась ввиду того, что часть их была нами частично изъята». «Точная сумма изъятых нами ценностей и состояние оставленного нам на хранение румынского архива выясняется Наркоминделом и тотчас же, по окончании его работы, будут Вам сообщены телеграфно» [АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 2. Л. 143–143об.].

Вполне обоснованным, на наш взгляд, является вывод авторов коллективной работы «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии»: «если имелись основания для претензии румынской стороны на возврат ценностей, сданных на хранение в Россию, то столь же естественным представляется право другой стороны на возмещение убытков, связанных с захватом имущества, оцениваемого в любом измерении» [Виноградов, Ерещенко... с. 260–261]. К сожалению, об этих претензиях советской стороны в работах румынских историков даже не упоминается. К тому же Румыния отказалась заявить о своем нейтралитете в случае агрессии против Советской России какого-либо государства, что в международных условиях, сложившихся после ее поражения в советско-польской войне, было для нее чрезвычайно важно.

Переговоры о восстановлении дипломатических отношений с Румынией продолжались вплоть до 1934 г., когда в результате прорыва советским государством международной изоляции этого, наконец, удалось достичь.

Литература

- АВП РФ Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. Л. 37.
АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.
АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20.
АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 23, 24.
АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 81.
АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6.
АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 5. Л. 6, 15, 17.
АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 2. Л. 143–143об.
АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 60

- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 10.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 5.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 9.
- Виноградов В.Н.* Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2014. № 1.
- Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996.
- Гросул В.Я.* Бессарабия в годы Первой мировой войны // *Hlihor C., Shkundin G.D., Soare V., Stikalin A.S.* România și Russia în timpul primului război mondial. 1918–2018. București. 2018.
- Документы Внешней политики СССР (ДВП). Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М., 1958.
- Зарницкий С., Трофимов Л.* Так начинался Наркоминдел. М. 1984.
- Константину Ф. Х.Г.* Раковский и бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1918) // Славяноведение. 2018. № 5. С. 17–31.
- Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь. 2012.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М. 1970.
- Матвеев Г.* Пилсудский. (Жизнь замечательных людей). М. 2008.
- Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между двумя мировыми войнами. М. 2010.
- Михутина И.В.* Польско-советская война. 1919–1920. М. 1994.
- Наринский М.М.* Советско-польская война и рижский мир 1921 года // Забытый мир. Рижский договор 1921 г. М. 2014.
- Покивайлова Т.А.* Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию рождения академика Ю.А. Писарева. М. 2017.
- Покивайлова Т.А.* Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблема взаиморасчетов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 2015.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. 2012.
- Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 – март 1918 г. М. 2006.
- РГАСПИ.Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 2.
- Советско-румынские отношения. Документы и материалы. М., 2000. Т. I. 1917–1943; Т. 2. 1935–1941.
- Терехина И.И., Яценко Я.С.* В.И. Ленин. Биографические хроники. Т. 5 (без места и года издания).
- Трут М.* Мы оптимисты. М. 1985.